HOMO HISTORICUS
2008

ГАДАВІК АНТРАПАЛАГІЧНАЙ ГІСТОРЫІ

Репозиторий ГрГМУ

ЕЎРАПЕЙСКІ ГУМАНІТАРНЫ УНІВЕРСІТЭТ

Репозиторий ГрГМУ

Вільня
2008

Institute for Historical Research of Belarus

HOMO HISTORICUS 2008

The Annual of Anthropological History

Edited by A.F. Smaliančuk,
Doctor of Historical Studies
In association with Iryna Dubianetskaya,
Doctor of Sacred Theology (Ph.D., S.T.D.)

Consultants:
A.K. Kraŭcevič, Doctor of Historical Studies
S.V. Marozava, Doctor of Historical Studies

Репозиторий ГрГМУ

Інстытут гістарычных даследаванняў Беларусі

HOMO HISTORICUS 2008

Гадавік антрапалагічнай гісторыі

Пад рэдакцыяй доктара гістарычных навук А.Ф. Смаленчука
з удзелам доктара сакральнай тэалогіі І.М. Дубянецкай

Рэцэнзенты:
доктар гістарычных навук А.К. Краўцэвіч
доктар гістарычных навук С.В. Марозава

Репозиторий ГрГМУ

УДК 93/99
ББК 63.3
Н76

Рэцэнзенты:
Краўцэвіч А.К., доктар гістарычных навук;
Марозава С.В., доктар гістарычных навук

European Humanities University
Center for Advanced Studies and Education (CASE),
the project «Social Transformations in the Borderland: Belarus, Ukraine, Moldova»

EHU expresses its sincere gratitude for assistance and financial support
of the project to Carnegie Corporation, New York

Н76 **Homo historicus 2008.** Гадавік антрапалагічнай гісторыі / пад. рэд. А.Ф. Смаленчука з удзелам І.М. Дубянецкай – Вільня : ЕГУ, 2008. – 520 с.

ISBN 978-9955-773-16-0.

Гадавік *Homo historicus 2008* змяшчае навуковыя тэксты і дакументы, якія дэманструюць магчымасці антрапалагічнага падыходу да вывучэння мінулага Беларусі. Матэрыялы зборніка датычаць гістарычнай біяграфістыкі, гісторыі ментальнасці, даследавання сям'і, вуснай гісторыі, гістарычнай памяці, палітыкі гісторыі ды інш.

Аўтары большасці публікацый імкнуліся вызваліць *Чалавека* беларускай гісторыі з палону навязаных стэрэатыпаў і генералізаваных схем.

УДК 93/99
ББК 63.3

ISBN 978-9955-773-16-0

© ЕГУ, 2008
© Center for Advanced Studies and Education (CASE), 2008

Репозиторий ГрГМУ

У КРАІНЕ ПРОДКАЎ

Фама Ілліч Вячорка
(Падрыхтоўка да друку Ірыны Чарнякевіч)
(Гродна)

Summary

Thomas Viačorka (1917–1987) of a Haradnaja village (Stolin region of Brest county) addressed his memoirs to his children and grandchildren. The published document is the first *cahier* of his memoirs, devoted to the Viačorkas genealogy and the everyday life of the 19 century Belarusian peasantry. The author supplies valuable information on village life, traditional feasts and rituals, family relationships typical for the second half of the 19th–beginning 20th centuries. This material can also prove important for studying a phenomenon of the Belarusians historical memory

Матэрыял, што прапануецца ўвазе чытача, – гэта першы сшытак *успамінаў Фамы Ілліча Вячоркі* (1917–1987), жыхара в. Гарадная Столінскага раёна Брэсцкай вобласці. Напісаны яны на працягу двух апошніх гадоў жыцця Фамы Ілліча і адрасаваны дзецям і ўнукам. Складаюцца з пяці рукапісных сшыткаў, розных па аб'ёме і тэматыцы. Гэта ўспаміны з уласнага жыцця; этнаграфічныя замалёўкі, што базіруюцца не толькі на асабістых назіраннях, але і на сведчаннях людзей старэйшых; рэканструкцыя радаводу; звесткі па гісторыі Гарадной, якая была пераведзена ў разрад вёсак толькі ў 1927 г., да гэтага мела статус мястэчка, у ранейшыя часы карысталася магдэбургскім правам. Напісаны ўспаміны на рускай мове, якая, аднак, мае як устаўкі мясцовай гаворкі (мясцовы гараднянскі говар, паводле вядомага даследчыка палескіх дыялектаў *Ф.Д. Клімчука, з'яўляецца адной з самых старажытных*

Репозиторий ГрГМУ

моўных сістэм Палесся (гл.: Климчук, Ф.Д. Диалектные типы Полесья / Ф.Д. Климчук // Слово и культура. Памяти Н.И. Толстого. М., 1998, Т. 1. С. 119), так і польскія ўплывы, што найбольш яскрава прасочваецца ў граматычным строі некаторых сказаў і асаблівасцях аўтарскай пунктуацыі. Аўтар мае за сабою 7 класаў агульнаадукацыйнай польскай школы (скончаных на "выдатна"), курс індустрыяльна-педагагічнага тэхнікума, які скончыў у 1969 г. у Пінску. З 1963 г. да самой пенсіі (да 1981 г.) працаваў настаўнікам у Гараднянскай сярэдняй школе.

Успаміны публікуюцца на мове арыгінала, без скарачэнняў, з захаваннем аўтарскай арфаграфіі і пунктуацыі. Толькі ў нешматлікіх месцах я дазволіла сабе ўнесці змены ў аўтарскую пунктуацыю, кіруючыся патрэбамі праяснення для чытача сэнсу тэксту. Маёй таксама з'яўляецца разбіўка тэксту на абзацы, якіх у арыгінале значна меней. Усе неабходныя, на мой погляд, дапаўненні і ўдакладненні ў тэксце пададзены ў квадратных дужках. Назва сшытка, вынесеная як загаловак публікацыі, з'яўляецца арыгінальнай.

Рукапіс захоўваецца ў Георгія Фаміча Вячоркі (г. Пінск), старэйшага з дзяцей Фамы Ілліча.

Где-то в начале XVIII века, еще задолго до I раздела Польши[1] в д. Городная на ул. Карпиловка жила обыкновенная крестьянская семья, глава был крепкий коренастый чернявый мужик по имени Вакула. В центре Карпиловки был небольшой водоем называемый "Глинки". Надо полагать что в описуемое время в этом водоеме водились карпы, что дало повод для названия улицы Карпиловкой. Весной и осенью, а также в мокрое летнее время с Глинок в озеро "Татарское стойло"[2] протекал небольшой ручеек называемый карпиловцами "Ровец". В засушливое время "Ровец" пересыхал полностью. Именно над этим ручейком и находилась хата Вечорко Вакулы. По другую сторону ручейка стоял высокий деревянный крест всегда украшен рушниками, наметками, фартуками.

На этой же самой стороне ручейка на почтительном расстоянии от креста, стоял общинный горн для обжига гончарной посуды. Тут же находился и общественный колодезь. На расстоянии метров 200 от хаты на юг было расположено "гумно", то есть постройки для скота, для хранения сена, клуня, где хранили и молотили [нечытальна]. Сразу за гумном начинались "Пустки" – это чистые, сыпучие, белые пески. Площадь пусток была невелика – с севера на юг метров 200, а с востока на запад около одного км. На пустки, перед выходом на пашу, выгоняли: коров, коз, овец, волов, лошадей. Поэтому пустки называли еще и выгоном. На юге пустки ограничивала высо-

Репозиторий ГрГМУ

кая гора покрытая могучим сосновым бором. Эта гора с лесом представляла собой неповторимую красоту ландшафта, прекрасный пейзаж с прекрасным здоровым воздухом. Настоящий курорт в любое время года. Именно в этом бору на горе была расположена пасека Вакулы. Пасека была оборудована одрами[3] и хитроумными автоколотушками против медведей, которые часто навещали пасеку. На северо-запад от пасеки был небольшой лужок. В летнее время там паслись карпиловские кони, а в водоеме купались ребятишки.

Много детей было у Вакулы. Но условия жизни и труда были очень примитивные а посему весьма тяжелые. Свирепствовали болезни, эпидемии: корь, шкарлатина, тиф сыпной и брюшной, туберкулез, ковтун и т.п. Господствовала бесподобная завшивленность: в хатах было полно блох, клопов, тараканов. Вся медицина находилась в руках ведьм, знахарей, шептунов. Лечили всевозможными корнями, дикорастущими травами. Не знали диагнозов, доз приема трав. Отсутствовала всякая гигиена. Поэтому до взрослого возраста дожило только три дочери и три сына: Михаил, Иван, Исл. Мыла не существовало. Стирали и мылись перед большими праздниками "лугом", то есть отваром древесной золы. Основными источниками жизни являлись: сельское хозяйство и гончарный промысел[4]. Животноводство развивалось слабо из-за нехватки хороших сенокосных угодий. В виду того, что Городная была наделена самим польским королем Магдебургским правом, она считалась на правах мещан и поэтому барщину не отрабатывала. Впоследствии эти права были подтверждены польской королевой Боной[5].

Городная имела свой герб – лосевая голова[6]. Но это не говорит за то, что жизнь крестьян была легкой и радостной. Но благодаря напряженному, интенсивному и постоянному труду, благодаря сильной семейной спайке, отличной организации и железной дисциплине, трудолюбию всех членов семьи, жизнь семьи была хоть и потогонной, но сносной и вполне крестьян устраивала. Лучшего они не требовали и на лучшее не рассчитывали, то есть они «находили утешение в труде своем».

Шли годы. Росла семья у Вакулы. Росла качественно и количественно. Дочери повыходили замуж, сыновья поженились. Появились внуки. Где-то в двадцатые годы XIX века появился на свет внук Вакулы и сын Исла – Гриц. То есть дед автора этих строк. Семья множилась, но жили все вместе в одной хате. Таков был закон. Работали по возможности, получали по потребности. За столом все не вмещались. Взрослые члены семьи ели за столом, все с одной большой глиняной миски деревянными ложками. Первую ложку должен зачерпнуть глава семьи, который сидел обязательно на покутьи. Только после такого ритуала приступала к еде вся семья. Дети ели отдельно на земле.

Репозиторий ГрГМУ

Кроватей или коек в хатах не было. Дети и старики спали на полатях, на печи, возле печи и за печью. Молодые люди спали каждый в своей клети[7]. Печи были большие. Тут же в хате были и комин и топка. Для ночного освещения имелись специальные приспособления называемые "посветами". Это была специальная труба, выведенная на крышу. К низу этой трубы подвешивалась металлическая подвеска, на которой горела лучина. На день для того, чтобы тепло не улетучивалось в трубу, она затыкалась "заткалом". Заткало – это огромный ком тряпья. Посвет в то время считался одним из лучших светильников. Он обладал рядом преимуществ. В хате всегда имелась заготовленная для выделки горшков мокрая глина, все время делались горшки. На печи все время сохли детские пеленки, лапти, ганучи[8]. Детей в хате было много, поэтому естественно имелось много детских испражнений и отработанного воздуха. Воздух был спертым и очень тяжелым. Форточек не было, окна не открывались. Так вот со всеми этими недостатками легко справлялся посвет. Он был на подобие камина, которым пользовалась аристократия. Кроме того, смолистый запах лучины создавал своеобразный приятный микроклимат.

Естественное освещение (дневное) было гораздо хуже. Почти в каждой хате было 4 окна размером 1х2 пядей[9]. Каждое окно имело свое название. Первое окно слева называлось помыйное, потому что в этом углу была помыйница. В этом углу на чурбане стояло деревянное корыто, ведро с водой и глиняный кухлик[10]. Там мыли миски, ложки и размещали в этом же углу на специальной полке. Следующее окно называлось застольное, потом покутное и последнее – называлось полное, потому что находилось возле пола[11]. Время измерялось по окнам. Говорили: солнце в застольном окне, в покутном окне – это значит середина дня. И наконец солнце в полном окне – это значит вторая половина дня. Хотя солнца эти окна мало пропускали, а зимой когда замерзали почти совсем не пропускали.

Дожил Вакула до глубокой старости, но все-таки пришло время и он умер. К этому времени наша территория после I раздела Польши вошла в состав российского государства[12]. Униатская церковь передана православным. На международной политической арене кое-что изменилось. В основном это границы государств, но тяжелая доля крестьян осталась незатронутой. Братья: Михаил, Иван, Исл сами стали уже дедами и разделились. Михаил стал родоначальником "Грищуков". Иван из-за своего маленького роста прозванный "бобом" остался на старом месте в батьковой хате и стал родоначальником "Бобов". Потом он погиб от удара молнии в Моровском[13] на Дедовой горе. Кстати, свое название Дедова гора получила именно в связи с этой трагедией. У деда Боба, как и у многих других, в Клапотовках[14] на деревьях, на

Репозиторий ГрГМУ

одрах было много ульев с пчелами. В этот трагический день дед поехал в Клапотовки волами выбирать мед. Пока он выбирал мед, волы зашли аж в Моровское. Нашел дед волов во время грозы у самой Дедовой горы, там и погиб.

Между прочим не только у деда Боба и не только в Клапотовках были пчелы. Они были расставлены по всей территории нашего леса. Счастье улыбалось тому пастуху, охотнику и любому другому прохожему, кто попадал на пасеку во время выбора меда. Пчеловод (медяр) обязательно угощал гостей медом. Считалось: чем лучше угостишь случайных прохожих, тем больше на другой год будет меда. Если не угостишь, на следующий год меда вообще не будет. Больше всего по этому закону меда попадало пастухам[15]. Исл обосновал свое хозяйство немного юго-западнее, недалеко от родительской избы и стал родоначальником Коржов.

К Ислу мы еще вернемся, а пока заглянем к Петру, родному и единственному брату Вакулы. Хата Петра стояла по другую сторону Глинок, у самой воды. Тут же прямо перед порогом метров 10 от хаты стоял горон[16] тоже над самой водой. Хата была таких же размеров и такой же конструкции как и хата Вакулы. С холодными темными сенями, крытая колотыми досками. В хате большая печь, два этажа полок, у покутной лавы стоял гончарный круг. Круг был особой конструкции, сейчас таких нет. Это был круг цепковый, он не крепился к лаве с помощью лисицы, а был напялен на вкопанный в землю дубовый штырь[17]. Он был сработан без единого гвоздя. После первого взгляда можно было определить, что хозяйство Петра носило более ремесленный характер, чем аграрный. Взять хотя бы скотный двор – он был гораздо меньше, чем у Вакулы. Стало быть и скотины у него было меньше. Основное и единственное ремесло у Петра – это гончарный промысел. Он заключался не только в производстве гончарной посуды, но и реализиции ее в ближайших селах. Для этого существовали соответствующие условия: самая лучшая глина для выделки горшков – моровская принадлежала городнянской общине. Пана в то время в Городной еще не было. Он появился гораздо позже и об этом будет в свое время сказано. Дров для обжига горшков – навалом. Кругом были дремучие, непроходимые леса, и все это было собственностью городнянской общины.

Семья у Петра была крепкая, дружная, работящая. Было у Петра два сына – Матвей и Григорий и две дочери. Поэтому гончарный станок у Петра никогда не простаивал. Он работал за исключением коротких ночных перерывов, круглосуточно на протяжении всего года. А другие члены семьи, в том числе и сам глава, реализовывали посуду в ближайших городах и селах, меняя ее на зерно, деньги, соль, рыбу, лен, картофель[18], огурцы, капусту, лозу для

Репозиторий ГрГУ

лаптей. Короче говоря: за посуду добывали все и всего хватало, но все доставалось с большим трудом и расходовалось по законам строжайшей экономии. Централизованно, под надзором главы семьи.

Пришло время и Матвей "за всех" был отдан на 25 лет в солдаты. От Григория пошло большое потомство: Салива, Михалко, Иван (Шулда), Григорий (Шахрай) и знаменитая по тем временам аферистка Алеся. Селива родил: Сидора, Андрея, Мелашку и Еву. От Михалка произошли: Костюк, Дмитрий, Анна, Огапка. У Ивана (Шулды) было много детей, но все они потом пошли по свету. В Городной осталась только одна его дочь Анна (Коржиха), которая вышла замуж за Гекала. Иван Григорьевич (Шулда) был знаменитым охотником-лесовиком. Славился он тем, что когда подходило время обеда, он брал с собой хлеб и уходил обедать в лес. В лесу он к хлебу что-нибудь добавлял. У Ивана Григорьевича и жена была лесовая. Она в летнее время редко когда приходила домой. Большую часть своей жизни Иван Григорьевич проработал лесником.

Аферистка Алеся бросив сына байструка на произвол судьбы, за наворованные деньги уехала в Америку. Официально Алеся числилась женой Буриша. Из хаты Анны Коржихи в ночь под 1918 Новый год городенцами был взят на убиение солдат-патруль донской казак Бушцов. Его взяли и [нечытальна] завели на Оселицу[19]. Следом за ними, тайком пошла Анна. Она видела в окно когда солдат просил у бандитов, чтобы те разрешили ему перед смертью помолиться Богу. Когда Анна это увидела, она пешком, ночью побежала в Колодное, где стояла военная часть и доставила солдатам страшную весть. К утру на Новый год воинский отряд прибыл в Городную. Бандиты были окружены и задержаны. Одному (Трохиму) удалось бежать. Главный бандит Александр был колючей проволокой привязан к повозке и в назидание всем был препровожден по всей Городной. Но солдата в живых уже не было. Тело солдата было найдено на Пограничьи.

Но пора возвращаться к Ислу. Приусадебный участок Исла по ширине был не более 15 метров. По длине выходил на Пустки, поэтому мог считаться бесконечным. Он был настолько узок, что по проезжей части проходившей между хат трудно было проехать. Особенно с сеном, которое надо было везти с улицы на гумно. Гумно было расположено впритык к Пусткам. Гумно было построено в форме четырехугольника и было довольно солидных размеров. Из этого можно сделать вывод, что скотины у Исла было много. Много тогда было и земли у городенцев. Ведь вся колоднянская земля, Застружье, [нечытальна], Галиция, и вся та часть, что отошла к помещику, вся эта земля принадлежала городенцам. Колоденцы это люди наезжие с Новогрудчины[20]. Они

Репозиторий ГрГМУ

эту землю покупали у пана, который ею завладел в 1886 году. Галицияне это эмигранты с Галиции, которые начали покупать и заселять нашу землю с 1925 года. Остальная оставалась собственностью пана Круковского до самого начала Второй Мировой войны до 1 сентября 1939 г. [...]

Поэтому, надо полагать, и было такое обширное гумно у Исла. Хата у Исла была стандартна по тому времени. Размером 4х5 м с холодными сенями. Сработана была под окна с толстых, смолистых, тесаных кряжей. Поверх окон была сделана также из смолистых кругляков. Она удалась такая крепкая и долговечная, что после небольшой переделки стоит и «здравствует» и по сей день. Живет в ней в настоящее время Краковский Яков Федорович. Как во всякой хате образцового в то время порядка, застольная и покутная стены были не побелены. Это делалось потому, чтобы сидящие там люди не вымазывали на спинах и плечах одежду.

Почему в то время люди строили таких маленьких размеров хаты? Ведь стройматериала [хватало]. Дров для отопления тоже было навалом, каждая хата была переполнена жильцами до предела. А дело оказывается вот в чем. Большое бревно не на чем было привезти из леса. Возы были на деревянных осях, колеса были "босые", то есть не обтянутые стальными шинами (обручами). Делали их крестьяне сами. Потом, уже в начале XX века появились возы "железные", но они были настолько дорогие, что не каждый мог себе на это позволить. Железный воз по стоимости равнялся хорошей корове. Некоторые, чтобы приобрести железный воз, залазили в большие обременительные долги. Тогда железо было не только дорогое – оно было труднодоступным, его не хватало, не было в наличии.

Не только возы были деревянные. Взять такой инструмент как навозные вилы. Их заменял "сохар". Для изготовления сохаря требовалась крепкая дубовая доска с небольшим искривлением требуемой формы. С одного конца эта доска закруглялась в виде держака, а второй конец заострялся на подобие лопаты. Лопаты тоже были деревянные с железными наконечниками. Вместо плугов были деревянные трехметровой длины сохи. Бороны были полностью деревянные без единого гвоздя. Ведра, бочки, дежки, кадушки все это было деревянное, на деревянных обручах. Даже дужки на ведрах были сплетены из липовых лык. Латы на холодных постройках прибивались деревянными гвоздями. Замки, ключи, клямки, завертки в хатах, клетях, клунях делались деревянные. Сараи вообще не запирались.

Одежда, постель, белье все было домашнего изготовления. Даже пуговиц не было. Сорочки вместо пуговиц застегивались тесемками, а кальсоны деревянными или керамическими [пуговицами]. Спали на соломенных матрацах,

Репозиторий ГрГМУ

укрывались ряднами[21], кожухами. Верхних рубашек, брюк не существовало, о них понятия не было[22]. Зимние шапки делались из овчин тоже домашним способом. Летними головными уборами служили в основном солдатские фуражки, но их было очень мало. Передавались они от отца к сыну, постоянно латались, зашивались. Для детей и подростков летние головные уборы тоже делались домашним способом. Верхние рубашки в летнее время считались ненужными. А зимой говорили что "под рубашкой кожух не греет". В белье работали дома, ходили в лес, работали на полях, на сенокосах, ходили в церковь, гуляли на свадьбах, на улицах на вечеринках. Для большей солидности мужчины, когда шли в церковь, надевали свитки, а если было очень жарко – то эти самые свитки брали "на руку". Для выходных дней имелись специальные липовые лапти и белые ганучи. В будние дни мужчины ходили в лозовых лаптях, а женщины босиком.

Строго-настрого соблюдались все посты и праздники. Первый и самый строгий это был Великий пост перед Пасхой. Он продолжался 7 недель. В этот пост в скоромных горшках даже варить не разрешалось. Для поста имелась специальная не "скоромная" посуда. Первый день поста назывался Полоскозуб. В этот день порядочные люди полоскали гарелкой зубы. Второй пост это Петровка. Продолжительность Петровки зависела от Мясоеда и потому была непостоянная. Следующим постом была Спасовка. Это двухнедельный пост пост и заканчивался праздником Успения 28 августа. Четвертым и последним постом в году был рождественский пост – Пилиповка. Он продолжался 6 недель и заканчивался Рождеством. Кроме перечисленных постов, каждая среда и пятница на протяжении всего года считались постными днями истрого соблюдались. Более престижные люди перед Пасхой начиная с четверга вечером до воскресенья соблюдали полный пост, то есть вообще ничего не ели. Несмотря что в это время велись тяжелые полевые работы.

Вот в каких условиях жил Исл со своими сыновьями Грицом и Омельком. Старшего сына Грица Исл отделил еще при своей жизни, что в то время считалось редким исключением. Хату Грицу построили общими силами и поставили над самым Ровцом. Огорода Исл Грицу не дал, потому что у самого не было. Огородов тогда почти ни у кого не было. Хаты стояли прямо на улице, как в городе. Никаких заборов, никаких огородов. По улицам свободно разгуливали свиньи, в тени под хатами устраивали себе лежанки.

Быть может отец Грица отделил потому, что у Грица был крутой характер. Его боялась вся улица. Есть еще люди, которые деда Грица хорошо знают. Даже побывали в его руках – это Шкварка и Шкварчиха. Шкварка попался в вишнях, а Шкварчиха кидала черепки с горна. Они рассказывали, что Гриц

Репозиторий ГрГМУ

однажды поспорил с Василевцами за горна. И когда дело дошло до драки, то один из Василевцев, старший брат Иван со страха даже в штаны наложил. Василевцев было четыре брата: Иван, Веремей, Степан и Данила. А Гриц один.

Исл остался с младшим сыном Омельком, которого скоро забрали в «москали». Затем он попал на русско-турецкую войну. За боевые заслуги был награжден Георгиевским крестом и золотой медалью "За переход Дуная"[23]. По современному это звучало бы "За форсирование Дуная". Лично я хорошо деда Омелька знаю, видел его награды, пас с ним коней, слушал его солдатские песни.

У Омелька было два сына: старший Павлюк и младший Иван. Павлюку построили новую хату на другой стороне Ровца, а Иван остался в дедовой, то есть в Исловой. Хорошо я помню и эту хату. Много раз сидел там с Ивановыми детьми на печи, а еще больше за печью. Расстояние от этой хаты до нашей было метров 150, и я туда бегал босиком в любой снег, в любой мороз, по несколько раз в день. У Ивана было много детей, 12 душ. Самая старшая Анна была с 1913 г.р. то есть на 4 года старше меня. В детском возрасте эта разница невелика. А старший сын Антон был мой ровесник. Так что для меня этот запечек был своего рода "садиком". В этот запечек мы еще вернемся, а пока заглянем до Грица.

Гриц обзавелся своим хозяйством, своей семьей. Было у Грица три сына: Петро, Григорий и самый младший с 1875 г.р. Илья. И две дочери Василиса и Параскева. Петро взял себе жену у Фастовичей, Григорий у Товстого Ивана, Василиса вышла второй раз замуж за Бегуна. Илья взял себе жену из Самковцов. Полешко Марию Ивановну, внучку Самка. У Самка было два сына: Иван и Герасим.

К слову напомним, что в ту пору брачные союзы решались родителями без участия, даже без ведома молодых. Молодые не знали, когда и за кого их отдают, кого им уже высватали. Перед венчанием надо было идти в церковь до исповеди. Когда моя мать зашла на исповедь, там было 12 невест и 12 женихов и никто не знал, кто чей. Матери понравился один из этих парней и в душе она просила Бога чтоб именно "этот" ей попал (молодость свое берет). Бог удовлетворил ее просьбу.

У Григория женитьба получилась неудачная. Через некоторое время жена его умерла, оставив ему дочку Ярину. По истечении некоторого времени Григорий повез продавать на села горшки. В деревне Струга столинского района нашел себе невесту, на которой женился и там же остался по сей день.

Илье посчастливилось окончить церковно-приходскую школу. По тому времени, в сельской местности это считалось солидным образованием. По-

Репозиторий ГрГМУ

сле церковно-приходского образования можно было поступать хоть в гимназию, хоть в семинарию. Но Илья в 1896 году был призван на действительную воинскую службу. Служил в гор. Вильнюсе. Дослужился до старшего унтерофицерского чина. В 1904 году был призван по мобилизации на русско-японскую войну. Воевал в Маньчжурии в Дальневосточной Армии генерала Куропаткина. Из городенцев на японской войне участвовало всего 4 человека: Медведский (еврей), Чижик, Микита Лисычук и Вечорко Илья Григорьевич. После демобилизации Илью выбрали сборщиком (финагентом), а затем сельским старостой. Обход городнянского старосты не ограничивался Городной. В этот обход входила вся шляхта всего осеродка, кроме мужиков.

Вернемся немного назад. В 1886 году были отторгнуты вышеупоминавшиеся земли[24]. Отторгнуты эти земли были за неуплату общиной общинных долгов. Городнянская земля была поставлена на публичные торга. Нашелся помещик, который согласился уплатить недоимку и тем самым завладел городнянской землей. Затем этот самый помещик предложил такой компромис: Соберите мне триста голов крупного рогатого скота любого веса и я вам верну вашу землю. Но не тут то было. Пошло разногласие. Не каждый мог скотину отдать, потому что не у каждого она была. А выкупленая земля будет принадлежать всем поровну. Кроме того, нашелся общественный деятель, бывший солдат некий Алисей, который сказал, что нашу землю никто не имеет права у нас забрать. Когда приехала комиссия отводить землю, Алисей организовал отряд и прогнал эту комиссию за пределы Городной. На следующий раз помещик привез комиссию под охраной казаков. На этот раз у Алисея не хватило сил. Алисея а с ним и других более стойких борцов арестовали, а остальные успокоились по сей день.

Тогда решили городенцы вернуть землю законом, судом. Жалко стало земли. Собрали денег. Выбрали уполномоченного – Шпудейко Грица (Повшегиного отца). Поехал уполномоченный в Пинск. В Пинске, при первой встрече помещика с уполномоченным, помещик предложил сделку, которая гласила: помещик дает лично Шпудеку семь десятин на Застружье сенокоса, а Шпудейко взамен за сенокос должен прекратить судопроизводство. Для того чтобы не разоблачать предательства и не вызывать злобу у населения, сделку решили до поры до времени держать в тайне. Судопроизводство было прекращено. Только спустя много лет, уже при Польше, Повшега возбудил дело и завладел сенокосом. Владел он этим сенокосом до прихода Советской власти до 1940 года.

Когда Илью Григорьевича выбирали за старосту, у него нашелся сильный очень богатый соперник – Ляшко Куприян. Он жил там, где сейчас находится

Репозиторий ГрГМУ

больница. Он имел собственную паровую мельницу. Он кандидатуру своего конкурента отвергал тем, что тот (Илья) неимущий и не сможет занимать ответственный государственный пост. Тогда Гриц поручился всем своим имуществом за своего сына в случае какой нибудь неустойки. Таким образом Илья Григорьевич на выборах победил и стал старостой Городнянской Управы. Здание управы я тоже хорошо помню, там при Польше была школа в которой я учился.

По другому потекла жизнь у Грица, [когда] сын стал старостой. При его железной дисциплине. По его девизу "кто пануе, кто горуе деньги должны идти в один мешок" то есть в мешок деда. Появились у деда деньги, на которые тогда было очень трудно. Купили новый железный воз. Илья уплачивал за свой счет все налоги, которые в то время были довольно обременительные. Построили для Ильи новую хату старого образца.

Большая у Грица была семья, только взрослых было 10 человек да 12 душ детей. Все за столом конечно не вмещались, да и нужды в этом не было. Как уже упоминалось дети ели отдельно на земле. Там на глиняном полу ставили большую миску, кругом которой устраивались едоки. В большие праздники дед садился в конце стола а дети подходили по очереди поздравляли деда с праздником и целовали в руку. Дед благословлял детей и давал каждому по копейке.

Семья была большая но работы хватало на всех. Взрослые пахали, сеяли, косили, молотили, возили дрова и т.п. Женщины мололи в жерновах муку, толкли в ступах пшено, кутью, пекли хлеб, готовили еду, убирали урожай, пряли кудели, ткали полотно. Но главное занятие для женщины это было изготовление буквально всей одежды: белья, постели а также верхней одежды. Сами все шили, делали сукно.

Дети с 6–7 лет тоже включались в работу. Пасли овец, затем коров, волов, лошадей. С 10 лет включались в полевые работы: бороновали, убирали сено, молотили, доглядали скотину, готовили глину, рубали дрова, лучину, плели лапти. С годов 15-ти включались в гончарное ремесло. В воскресение все хлопцы собирались, ходили с хаты в хату и как жюри судили и решали кто лучший мастер на горшки и у кого лучшая посуда.

Особенно много работы было перед праздниками. Такой праздник как Рождество тянулся две недели[25]. Надо было намолоть на две недели муки в жерновах, натолкти на две недели кутьи, пшена, нарубить лучины, наплести на две недели лаптей.

В 1912 году Илья отделяется от родителей и братьев, переселяется в новую хату. Коло хаты был даже огород соток 20. Начал самостоятельную жизнь. Ра-

Репозиторий ГрГМУ

ботал старостой, велись деньги. Не оставлял и сельское хозяйство. Росли дети. Был страстным, неутомимым охотником. Имел сторублевое бельгийское ружье. Скопил небольшой капитал (700 рублей) и поместил в Речицкий банк. Собирался эмигрировать в Тамбовскую губернию к своему другу по армии. Все его планы перечеркнула Первая Мировая война которая началась в августе 1914 г. Провоевал он всю войну в Лунинце заведующим крупного продовольственного склада. Часто приезжал домой привозил гостинцы. Мать тоже часто ездила в Лунинец и без гостинцев не приезжала. Грянула революция. Царская армия развалилась. Отец пришел домой занялся мирным трудом. В 1918 году трагически погиб в лесу. У матери осталось 5 детей без средств существования.

В 1920 г. вернулась к нам Польша. Годы послевоенные – беда безпросветная. Особо нуждающимся Красный Крест выдавал кое какую детскую одежду и один раз в сутки суп. Я с матерью ходил за этим супом. Эта кухня была там где сейчас Гурелева хата. Земли у нас было мало да и тую нечем было обрабатывать. Не было ни лошади ни волов. Старшие братья Иван и Михаль к людям в пастухи [пошли]. В пастухи богатые люди брали только на летнее время и только за харчи, на зиму отправляли домой. В некоторых, удачных случаях, если добрый хозяин, то кроме харчей давал еще пастушку свитку. Пастушки не только у хозяев пасли, а занимались и другими хозяйственными делами: бороновали поле, гребли сено, рубали дрова, лучину, водили в ночное лошадей.

В таких условиях началась моя сознательная жизнь. Разруха, бедность, недостатки мало меня интересовали. Я продолжал посещать свой "садик" который находился у деда Омелька за печью. Как только снег с полей сходил, мы не дожидаясь тепла, переносили свою деятельность из-за печки на оперативные просторы, в первую очередь на Пустки. Обуви у нас ни у кого не было но мы не особенно по ней скучали. Босяком было и легче и удобнее, а согревались мы интенсивными играми. Играли в городки, свинку, стрибали, играли в мяч, только не в резиновый а в тряпочный. О резиновом мяче мы и понятия не имели.

А вообще то не только дети с нетерпением ожидали наступления ранней весны. Все эти стоптанные лапти, корявые ганучи, рваные волоки настолько всем надоедали, что как только сходил первый снег, все дружно переходили на «босую» форму. Особенно прекрасно себя чувствовали в этой форме женщины, точно на крыльях, не нужны лапти, не надо мять корявые ганучи, мотать волоки.

Репозиторий ГрГМУ

А другой обуви тогда не было. А если вернее сказать, то она была, но не для всякого доступная. Искусственных кож не было, не было кирзы, не было резины. Вся обувь была только с натуральных кож а поэтому очень дорогая, а денег ни у кого не было. Денег не было даже чтоб купить такое необходимое как спички, керосин, соль. Эти товары выменивали в еврейских лавках за яйца или зерно. Поэтому если у кого и были сапоги, то только на праздники. В будние дни они смазанные, почищеные, завернутые в чистые тряпки висели на гвоздике до следующего праздника. Увидеть человека в будний день в сапогах, это все равно что увидеть белую ворону. Были люди, которые на протяжении всей своей жизни не видели на своих ногах ни сапог, ни ботинок. Если эти люди венчались в сапогах, то были чужие сапоги "позыченые" только на время свадьбы.

В 1925 г. я с великим трудом, с плачем пробился в школу. Почему с трудом и с плачем? Потому что отца не было, у матери власть была ограничена. Старшие братья в моей учебе заинтересованы не были, а особенно самый старший, а даже наоборот. Они мне твердили что "с учебы хлеба есть не будешь". Они тоже не учились. У меня было страстное желание учиться. Мне было легко учиться. У меня было не только желание, а и способности учиться. Я получал в школе только пятерки, но им никто не только не радовался но и не интересовался. На учебники, на тетради, карандаши, чернила никто мне никогда не дал ни одного гроша. Для того чтобы добыть эти средства я пилил и колол евреям дрова, вязал и продавал березовые и ракитовые веники, по 5 грошей за штуку. Летом когда пас коров, овец, коней, все время рвал росу, собирал грибы, тоже для этой цели.

При любой возможности саботировали мое посещение школы. Если находилась работа на какие-нибудь полчаса – всё, школа отменялась. Я часто в школу убегал без завтрака, ничего не евши, готов понести прийдя со школы любое наказание. Зная мое тяжелое положение, директор школы, часто с уроков посылал меня в магазин за папиросами с таким расчетом чтобы оставалась сдача. Когда я ему отдавал сдачу вместе с папиросами, он силой толкал мне ее в карман.

Учебный год у меня начинался тогда, когда выпадал первый снег, а кончался когда снег сходил с полей. Как только снег растаивал мы начинали пасти овец «на пост» то есть несколько хлопцев пасвили овец всей улицы до Пасхи. На Пасху, по этому закону, мы с большим глечиком ходили с хаты в хату и нам платили за каждую овечку по одному яйцу.

Преодолевая всевозможные безпримерные трудности мне удалось в 1932 году кончить 7 классов. Кончил на отлично на все пятерки. Кончил и вся учеба

Репозиторий ГрГМУ

кончилась. Ни шагу дальше. Плакал горькою слезою, но ничего не выплакал. Дальше надо было поступать в гимназию в Пинск. Гимназия была платная 52 злотых в месяц (одна корова). В 1932 году был первый выпуск городнянской семилетки. Закончили ее в Городной 2 человека: я да Шваб Александр, да несколько человек евреев.

Через некоторое время приходит к матери солтус и говорит "Давай Марьё хлопца". Марья не спрашивая куда и зачем отвечает "забирай". Тот говорит "нужны деньги". Денег нет. Он говорит – продай часть его хозяйства. Мать спрашивает – сколько нужно денег? 240 злотых. Мать махнула рукой и говорит "За его часть хозяйства никто и 40 злотых не даст". Оказывается: в Кракове открыт набор на курсы шоферов. Для поступления на эти курсы нужно было внести 240 злотых. И получилось то, что пророчили мне когда то мои родственники "с учебы хлеба есть не будешь". Так оно и получилось.

Рад или не рад а надо было идти по пути далекого своего предка Вакулы. Разница была только в том, что у Вакулы были необъятные просторы а у меня не на чем было развернуться. На мою долю попадало всего 0,40 г[а] негодной земли. У Вакулы было наверняка гораздо больше.

Примечания

1 Данная территория в описываемое время принадлежала Польше [спасылка аўтара. – І.Ч.].

2 Паходжанне назвы возера звязваюць з падзеямі антыфеадальнай вайны 1648–1651 гг., калі Гарадная была спалена татарамі, а на тым месцы, дзе зараз знаходзіцца возера, паводле легенды, быў разбіты лагер татараў (стойбішча) (гл.: Цітоў, А. Геральдыка беларускіх местаў (XVI – пач. XX ст.) / А. Цітоў. Мінск, 1998. С. 144).

3 Одр – адзёр, подкур. У бортніцтве і пчалярстве: драўляны памост, што замацоўваўся на дрэвах. На одрах размяшчаліся вуллі. Знізу одры мелі вострыя зубцы для абароны борцей і вулляў ад мядзведзяў (гл.: Гуркоў, У.С. Бортніцтва / У.С. Гуркоў, С.Ф. Цярохін // Помнікі этнаграфіі: методыка выяўлення, апісання і збірання. Мінск, 1981. С. 77–78).

4 Гарадная вядома даследчыкам Палесся па большасці як буйны ганчарны цэнтр, дзе вырабляліся белагліняная кераміка, што забяспечвала патрэбы ў посудзе значнага рэгіёна – амаль усё цэнтральнае і ўсходняе Палессе. У гэтай сваёй якасці Гарадная ўпамінаецца ўжо ў XV ст. У XIX – пач. XX ст. ганчарствам тут займалася каля 200 сем'яў, у міжваеннае дваццацігоддзе называюць розныя лічбы: ад 44 майстэрань да 200 і нават 500 (Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Мінск, 1994. Т. 2. С. 477; Лабачэўская, В. Зберагаючы самабытнасць: З гісторыі народнага мастацтва і промыслаў Беларусі / В. Лабачэўская. Мінск, 1998. С. 231; Hołubowicz, W. Garncarstwo wiejskie zachodnich terenów Białorusi / W. Hołubowicz. Toruń, 1950. S. 113).

Репозиторий ГрГМУ

5 Гарадная з 1579 года карысталася магдэбургскім правам, якое пацвярджалася 5 лістапада 1670 года і 5 сакавіка 1678 г. (гл.: Цітоў, А. Указ. праца. С. 144).

6 Герб Гарадной, паводле дакументаў, выглядаў наступным чынам: у срэбным полі лось з залатымі рагамі. Пацверджаны 17 сакавіка 1792 г. (гл.: Цітоў, А. Указ. праца. С. 144).

7 Клець – халодная гаспадарчая сялянская пабудова, дзе захоўвалі збожжа, прадукты, адзенне. Адыгрывала значную ролю ў вясельным абрадзе (там праходзіла звычайна першая шлюбная ноч і ранішняе частаванне маладых). У клецях маладыя людзі і спалі. У вялікіх сем'ях, дзе было некалькі жанатых сыноў, для кожнай пары будавалі асобную клець (Этнаграфія Беларусі: энцыкл. Мінск, 1989. С. 262; Полесье. Материальная культура. Киев, 1988. С. 311; Молчанова, Л.А. Материальная культура белорусов / Л.А. Молчанова. Минск, 1968. С. 79). У Гарадной клець будавалі як асобную пабудову.

8 Г.зн.: анучы – кавалкі тканіны, што абкручваліся вакол нагі пад лапці і аборы (волокі).

9 Пядзь (пядзя) – мера даўжыні, роўная адлегласці паміж канцамі расцягнутых вялікага і ўказальнага пальцаў (Этнаграфія Беларусі. С. 418).

10 Г.зн.: куфаль ці кубак.

11 Пол – драўляны памост, што насцілаўся на вышыні прыкладна 1 м і служыў як спальнае месца. Верхні насціл называўся палаці і выкарыстоўваўся як паліца для гаспадарчых рэчаў, а ў разе патрэбы і як спальнае месца (Этнаграфія Беларусі. С. 377, 405; Молчанова, Л.А. Указ. праца. С. 115).

12 У складзе Расійскай імперыі Гарадная апынулася пасля II падзелу Рэчы Паспалітай у 1793 г. (гл.: Цітоў, А. Указ. праца. С. 144).

13 Мораўскае (Моровське) – адлеглая прыкладна на дзесятак кіламетраў ад Гарадной частка лесу.

14 Назва часткі лесу, прылеглага да Гарадной.

15 З-за недахопу лугоў гараднянцы і да гэтага часу пасвяць кароў па лесе.

16 Г.зн.: горан для апальвання посуду. У Гарадной былі распаўсюджаны круглыя двух'ярусныя горны, якія размяшчаліся звычайна на ўскрайку агарода, у дастатковай адлегласці ад хаты (Этнаграфія Беларусі. С. 136; Мілючэнкаў, С.А. Ганчарства // Помнікі этнаграфіі... С. 86–87).

17 Відавочна, гэта быў ганчарны круг з нерухомай воссю, які складаўся з двух дыскаў з 4, 6 альбо 8 вертыкальнымі альбо нахіленымі спіцамі. Вось убівалі ў зямлю. Рабілі такі круг цалкам з дрэва. Бытаваў ужо ў XV–XVI стст. (Этнаграфія Беларусі. С. 137).

18 Бульбу на Беларусі пачалі вырошчваць з другой паловы XVIII ст. (Пилипенко, М.Ф. Этнография Белоруссии Минск, 1981. С. 73). У тэксце, відавочна, механічнае перанясенне больш позняга звыклага набору тавараў, што выменьваліся на гаршкі.

19 Вуліца на ўскрайку Гарадной.

20 Насельніцтва Калоднага паходзіць са Шчорсаў з Навагрудчыны. Пасяляюцца яны тут прыкладна паміж 1895 і 1905 гг. Да гэтага зямля знаходзілася ва ўладанні Скірмунта (Słów kilka o Pińsku oraz święta, obrzędy i wierzenia ludu poleskiego. Pińsk, 1935. S. 25; Одрач, Ф. Наше Полисся. Канада, 1955. С. 66).

21 Радно – тоўстае палатно з грубай ільняной пражы альбо пянькі. У некаторых раёнах Палесся радном называлі таксама радзюшкі – паўсядзённыя посцілкі, якія служылі

Репозиторий ГрГУ

таксама як коўдры (Этнаграфія Беларусі. С. 422; Курыловіч, Г.М. Ткацтва // Помнікі этнаргафіі... С. 125).

22 У мужчынскім комплексе традыцыйнага адзення ў многіх раёнах Палесся захоўваліся даўнія асаблівасці як у кроі, так і ў нашэнні адзення. Белыя даматканыя нагавіцы старыя насілі яшчэ нават у 30-я гады XX стагоддзя, хаця такія нагавіцы становяцца сподняй адзежынай яшчэ ў канцы XIX стагоддзя (Этнаграфія Беларусі. С. 336; Полесье. Материальная культура. С. 341).

23 Гаворка аб руска-турэцкай вайне 1877–1878 гг., якая вялася паміж Расіяй і Турцыяй за панаванне на Чорным моры і ў прылеглых раёнах. У чэрвені 1877 г. 185-тысячная расійская армія пад камандаваннем генерала М.І. Драгамірава фарсіравала р. Дунай у раёне Зімніцы. Што датычыць залатога медаля "За пераход Дуная", то ў літаратуры па рускай фалерыстыцы ёсць звесткі пра румынскі крыж "За пераход праз Дунай". Акрамя румынскіх падданых, гэты знак атрымалі дзесяткі тысяч салдат, афіцэраў і генералаў расійскай арміі – удзельнікаў пераправы 15 ліпеня 1877 г., баёў пры Плеўне, Шыпцы, Шэйнаве. Аднак у тэксце гаворка пра медаль. Магчыма, гэта медаль са светлай бронзы "За руска-турэцкую вайну 1877–1878 гадоў", які быў зацверджаны Аляксандрам II 17 красавіка 1878 года. Гэтым медалём узнагароджваліся ўсе воінскія чыны ад генерала да шэраговага, што ўдзельнічалі ў аперацыях супраць турак на Дунаі, Балканах, Чорным моры і Каўказе. Паводле дадзеных Д.І. Пэтэрса, такіх светла-бронзавых медалёў было адчаканена на Санкт-Пецярбургскім Манетным двары 635 921 штука. Салдацкі Георгіеўскі крыж (знак Ваеннага ордэна) заснаваны маніфестам ад 13 лютага 1807 года для ўзнагароды унтэр-афіцэраў, салдат і матросаў за баявыя заслугі, прылічаўся да афіцэрскага ордэна Св. Георгія. Уяўляў з сябе сярэбраны крыж, на правым баку якога была выява Св. Георгія на кані, на адваротным – вензель СГ. З 1856 г. знак узнагароды меў 4 ступені: 1-я і 2-я – залатыя крыжы, 3-я і 4-я – сярэбраныя. Паколькі выдача пачыналася з 4-й ступені, то, па ўсёй верагоднасці, у тэксце гаворка менавіта аб гэтай узнагародзе. Узнагароджаны меў шэраг ільгот. Пры звальненні ў запас яму захоўвалася дадатковыя грашовыя выплаты, а пасля смерці яшчэ адзін год гэтыя "крыжовыя грошы" выдавалі яго ўдаве. Акрамя таго, уладальнік такога знака вызваляўся ад цялесных пакаранняў, а з 1815 года адстаўныя кавалеры гэтага знака вызваляліся ад розных подацей (Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 6. С. 140; Беларуская Энцыклапедыя: у 18 т. Мінск, 1997. Т. 5. С. 163–164; Чепурнов, Н.И. Российские наградные медали. Ч.I. Медали XVIII века. / Н.И. Чепурнов. Чебоксары, 1993. С. 100–101; Чепурнов Н.И. Российские наградные медали. Ч.III. Медали XIX века. / Н.И. Чепурнов. Чебоксары, 1993. С. 162–163, 299].

24 Г.зн.: зямля гараднянскай абшчыны.

25 Маюцца на ўвазе зімовыя святы ад Божага Нараджэння і Каляд да Вадохрышча.

Репозиторий ГГМУ